

УДК 81'22

НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ О СНОВИДЕНИЯХ КАК ФОЛЬКЛОРНО-РЕЧЕВОЙ ЖАНР¹

Екатерина Николаевна Свалова

к. филол. н., старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской
академии наук

614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А. svalova87@mail.ru

Наталья Николаевна Генералова

магистрант кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и ме-
тодики преподавания языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. generalova81nata@mail.ru

В статье рассказы о сновидениях рассматриваются как фольклорно-речевой жанр народной речи, который проявляет свойства текстов живого бытового общения и одновременно обладает специфическими характеристиками, типичными для языка фольклора. Описываются признаки, позволяющие отнести нарративы о сновидениях к фольклорным текстам. Анализируется структурно-композиционная оформленность сновидческих текстов, особое внимание при этом уделяется способам представления ирреальности. Выявляются особенности лексического состава анализируемых текстов и функционирование в них слов-символов, которые зачастую являются важнейшими элементами в развертывании сюжета сновидения.

Ключевые слова: диалектная речь; язык фольклора; речевой жанр; сновидческий рассказ; структурно-композиционная оформленность текстов сновидений; символы в традиции сновидчества.

Интерес лингвистов к народной сновидческой традиции не угасает, что объясняется, по-видимому, спецификой языкового материала и способами его применения для передачи фантастической, ирреальной, эмоционально-психологически нагруженной информации. Исследователи подчеркивают значение текстов сновидений для выявления мифопоэтического содержания современной культуры: С.М. Толстая отмечает, что сон «оказывается одним из главных каналов связи между миром живых и миром мертвых» [Толстая 2015: 463]; Т.В. Садова показывает, что, «будучи явлением таинственным и неизученным по сей день, сон всегда был и остается окружен мифологическим по существу и национальным по содержанию культурным контекстом» [Садова 2016: 274–275]; М.М. Валенцова убедительно доказывает, что раскрытие символического смысла «сновидений и его образов представляет собой закрепленный в культуре путь познания мира» [Валенцова 2002: 45]. Специалисты говорят о значении сновидческих текстов для представления моральных и поведенческих норм. Так, в результате анализа

современных рассказов о вещих снах И.А. Разумова делает вывод, что в коммуникативном аспекте «рассказы провоцируют дальнейшие воспоминания, актуализируют моральные и поведенческие нормы и демонстрируют особую доверительность общения» [Разумова 2001: 85]. Отмечая в рассказах о снах признаки фольклорности, исследователи рассматривают тексты такого плана как особую тематическую группу быличек [Живица 2004: электр. ресурс]. Следует отметить, что в центре внимания современных исследователей находятся не только функционирующие в текстах сновидений образы и их толкование; «интерес ученых сместился в сторону устройства рассказов о вещих снах, “механизмов” и логики интерпретации конкретного сна» [Лазарева 2016а: 30]. Содержательная и функциональная сложность сновидческих текстов, необходимость их расшифровки осознаются самими носителями сновидческой традиции: *Старухи-те сны отгадывали да предполагали* (зап. от Шаньгиной А.Т., 1936 г.р., с. Воскресенское Уинского р-на).

На наш взгляд, применительно к устным текстам о сновидениях уместно использовать пред-

ложенное С.В. Садовой определение «фольклорно-речевой жанр» [Садова 2016]. Одним из ключевых признаков пересказов сновидений является включенность нарратива в бытовое повествование, при котором рассказ предваряет комментарий сновидца, объясняющий условия возникновения конкретного сна, его связь с действительностью, воплощение интерпретированного во сне прогноза в реальности. Переход от бытового повествования к рассказу о сновидении обычно специально оформляется с помощью языковых средств, вводящих тему сна: *вижу во сне; увидела опять же сон*. Во вступлении содержатся необходимые сведения, которые описывают обстоятельства (ситуации), проспективно связанные с содержанием сна: *В сорок лет я заболела, в больнице лежала вначале здесь, потом в Перми. Мне было так уже плохо, и вот я как бы во сне вижу <...>* (зап. от Мехряковой А.И., 1943 г.р., г. Лысьва); *Роды очень тяжёлые <...> И меня пятнадцать дней не выписывали. Я так ревела, ой, думаю, чё там будет <...> Ну и вот я давай Святителя Николу просить. И увидела опять же сон* (зап. от Асановой Г.К., 1945 г.р., г. Лысьва); *Я плакала, когда у меня сын умер. Вижу сон* (зап. от ????, Юсьвинский р-н). В предваряющем рассказ комментарий может выражаться и отношение сновидца к сновидчеству, например, внимание к вещим снам как божественному знаку: *В сны не положено верить. Но сны-то и от Бога бывают. У меня было в жизни. Вещие сны были у меня <...> И однажды я увидела сон.* (зап. от Асановой Г.К., 1945 г.р., г. Лысьва); *Сон же он предвестник. Пускай он сбывается. Это уж никак не предотвратишь* (зап. от Паршаковой П.Т., 1931 г.р., д. Талавол Красновишерского р-на). Спонтанность речи и логика пересказа сна лишь видимая: рассказ о сновидении рождается органически в ходе беседы как реакция на сказанное или на предложение перейти к волнующей теме, включаясь в общий контекст традиции сновидчества. Сновидцы редко помнят сон в мельчайших подробностях от начала до конца, однако в памяти обычно сохраняется сюжетная линия и ключевые моменты – персонажи, действия, ощущения (в конкретном сне может доминировать одно из перечисленных). Статус рассказчика и степень его участия в событиях сна при этом могут быть различны. Рассказчик может участвовать в сновидении или быть наблюдателем и воспринимать происходящее со стороны: *Выкопан какой-то лаз в песочном таком, не то в горе – горка небольшая. И мне бы надо туда залезти* (зап. от Асановой Г.К., 1945 г.р., г. Лысьва); *Мне было так уже плохо, я вот я как бы во сне вижу, папа пришел,*

взял меня за руку, и мы с ним полетели (зап. от Мехряковой А.И., 1943 г.р., г. Лысьва).

Структурную и языковую оформленность демонстрирует следующий рассказ о сновидении. В пересказе о встрече во сне с умершим отцом мы видим сложное состояние человека, который ощущает конец своей жизни: *Я единственный сон помню. В сорок лет я заболела, в больнице лежала вначале здесь, потом в Перми. Мне было так уже плохо, я вот я как бы во сне вижу, папа пришёл, взял меня за руку, и мы с ним полетели. И мы с ним летели над лесом, где я выросла, над Гарями. И он мне все показал – посмотри, как красиво. Деревья такие зеленые-зеленые стоят. И мы с ним летаем над деревьями. Стоит ли уходить из жизни? Жить надо при такой красоте* (зап. от Мехряковой А.И., 1943 г.р., г. Лысьва). В начале текста выделяется фрагмент, в котором рассказчик подчеркивает исключительность сновидения (*единственный*), что связано с пережитым во сне состоянием полета (полет во сне, как известно, является устойчивым знаком освобождения от зависимостей, символом свободы, в том числе творческой). Основная часть, выстроенная в основном на трехчастных структурах (*папа пришел, взял меня за руку, и мы с ним полетели; летели над лесом, где я выросла, над Гарями*), иллюстрирует детско-родительские отношения (опыт старшего – *папа пришел, взял меня за руку <...> мне все показал* и доверие ребенка родителю). Рассказчица говорит о красоте открывающегося ей в полете мира – и утраченного мира детства, и мира, ожидающего ее после смерти, и земного мира с его красотой и самоценностью земной человеческой жизни. В качестве текстовой доминанты можно выделить лексические повторы: *полетели – летели – летаем, красиво – красоте, над лесом – деревья – деревьями*. Повтор *зеленые-зеленые* (деревья) усиливает идею красоты жизни, ее нескончаемости. Финал повествования вполне можно считать философским утверждением (выражение *жить надо* с модальностью долженствования), в нем объясняется смысл фантастического путешествия (видеть красоту мира и ценить жизнь).

Загробный мир в сновидениях зачастую рисуется как удивительно прекрасный, лишенный суеты и страданий. Известно, что «небо часто отождествляется с “тем светом”, чаще – с раем, или же представляется как место, где и рай, и ад или только рай» [Славянские древности 1995: 379]. Такое понимание отражено в рассказе о сновидении с умершим родственником: *Вот это как-то недавно дедушка приснился во сне-то. Ох, уж, если я увижу своих бабушек, обязательно захвораю. Он как бы лежит под одеялом, оде-*

яло как бы он в облаке-от. Как бы в облаке он. Это в пушистом, кудрявом (зап. от Шаньгиной А.Т., 1936 г.р., с. Воскресенское Уинского р-на). Представление о красоте как свойстве ирреального мира проявляется в образе самой смерти, которая может предстать в облике вызывающей восхищение прекрасной девушки: *Смерть пришла ко мне. И говорит: «Я по тебя пришла» <...> Она такая красивая, такая молодивная, глаза голубые и волосы светло-русые такие. Ой, какая красивая!* (зап. от ???, д. Пожва, Юсьвинский р-н). Рассказ заканчивается сожалением информанта, что пришедшую за ним смерть он не принимает: *Я так ее руку взяла вот так, сказала: «Ты подожди маленько, потому что... я ешо...мне надо постираться». Я всегда думала: чтоб мне умереть, чтоб у меня было вымыто, и я выстирала. Вот это я только хочу, чтоб мне Бог дал. И она ушла. И вот я осталась* (зап. от ???). Гораздо чаще жизнь после смерти связана с адом, с наказанием за грехи: *Болел, да как перед этим в бане-то последнее время-то как не был. Я и приглашаю его как бы туда. Он говорит: «Нет, не пойду я, мне и так жарко. Еще говорят, тамо в огне или чё ли горят* (зап. от Шаньгиной А.Т., 1936 г.р., с. Воскресенское Уинского р-на).

Переход из реальности в мифологическое пространство сна в рассказах часто обозначается с помощью медиативных символов. В народной традиции считается, что границы между мирами открываются в сакральное время – с четверга на пятницу, в Святки (ср. гадание на будущее): *Сны эти совпадают. На Святках это уж совпаденьё* (зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьвинского р-на), см. подробнее о мифологическом значении Святки [Славянские древности 2009: 584–589]. Пограничное состояние между сном и явью выражено семантикой сомнения: *Я стою у печки вроде как, у русской, а он по дверям вот так ходит. Обычно у печки раньше бывали полати, щас нет ведь полатей* (зап. от ???, Юсьвинский р-н). Печь (как дверь/порог и окна), которая совмещает «символику центра и границы» [Славянские древности 2009: 39], в тексте выступает как канал связи между реальностью и потусторонним.

Представленное в сновидениях пространство, как правило, является описанием собственного дома или чужого жилища, мест, которые связаны с работой или повседневными занятиями: *Да, он ещё дома был, ещё живой был. А я вижу сон. Он вроде в голбце у нас, в подвале работает* (зап. от Паршаковой П.Т., 1931 г.р., д. Талавол Красновишерского р-на). Локативный код в сновидениях, как и в народной культуре в целом, связан с универсальной оппозицией «свой – чужой».

Пространство вне дома как чужая, небезопасная, таинственная территория предвещает опасность: *Это вот в избе были, а изба-то не наша совсем. Я стою у печки вроде как, у русской, а он по дверям вот так ходит. Обычно у печки раньше бывали полати, щас нет ведь полатей* (зап. от ???, Юсьвинский р-н); *И вот вижу во сне. Я будто тут кошу* (зап. от Глотовой А.К., ??? г.р., Красновишерский район); *Я плакала, когда у меня сын умер. Вижу сон. Иду по дороге старой. Лежит он у меня в канаве, такая вода чистая как ключ. Там люди сенокосят* (зап. от ???, Юсьвинский р-н); *Вижу во сне. Мы раньше на конях всё рóбили. Иду с уздой имать лошадь <...> Я поймала эту лошадь, взяла ее за шею. Грива большая. И глажу. Я узду одела и вроде всё. От имала я его долго* (зап. от ???, Красновишерский р-н). Преодоление препятствий дарует физическое и психологическое освобождение: *Поле, простое поле, и опять же я на белом коне. На белом коне и смотрю – ой, пропасть тут такая* (зап. от Асановой Г.К., 1945 г.р., г. Лысьва). В последнем тексте мифологизированное животное белой масти упоминается в связи с его положительной символикой: белый конь часто является спасителем, который помогает преодолеть препятствие, грозящее гибелью.

В качестве маркеров загробного мира используются яма, пропасть, канава: *А я читала где-то, конь, когда пропасть перепрыгивает, он задние ноги к передним подставляет. Вот конь-то также сделал. И мы перепрыгнули. И голос с неба – впереди еще небольшая пропасть и скоро будете дома. Так оно и оказалось. Это не от дьявола все равно, мне кажется* (зап. от Асановой Г.К., 1945 г.р., г. Лысьва), см. подробнее об образе лошади в вещих снах [Лазарева 2016б]. Невозможность преодоления препятствия может стать началом сна-кошмара: *Выкопан какой-то лаз в песочном таком, не то в горе – горка небольшая. Я бы залезла туда, а развернуться не могу. А потом посмотрела. А дальше-то там какое-то черное такое месиво страшное сидит* (зап. от Асановой Г.К., 1945 г.р., г. Лысьва). Далее в приведенном примере появляются образы нечистой силы: *полный дом бесей, <...> с копытами, хвосты <...> когти длинные. Носы как бы вроде как поросычьи, пяточок как бы голый, а вокруг в шерсти* (зап. от Асановой Г.К., 1945 г.р., г. Лысьва). В сновидениях может реализовываться фольклорный мотив поиска счастья, когда от сновидца также требуется пересечь границу, достичь какого-либо объекта и т. д.: *Вижу во сне вроде болото, кочки. Мы с одной подружкой пошли вроде. И говорят, если это болото перейдешь, заморье найти, тот де будет счастливый*

(зап. от. ???, Красновишерский р-н). Часто такие границы – это место встречи с умершими, когда «заснувший человек как бы переступает невидимую границу двух миров и входит в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира, и прежде всего со своими умершими родственниками» [Толстая 2015: 463]. Такой границей или медиатором между миром живых и миром мертвых выступают в традиционной культуре также окна и двери/порог, печь, дорога: *Вижу во сне, мама будто в больнице лежит. Пойду, думаю, попроведаю ее <...> Потом вижу продолжение. Идем будто бы там ниже проулок. Мама как дорогу переходит через эту сторону. А я будто по той стороне иду. А тут какой-то снег на дороге-то и там вода* (зап. от Ганьжиной Ф.П., 1923 г.р., г. Лысьва); *И че-то глянула – в дверях-то он [покойный] в белом костюме. Как я это заорала и на улицу с девчонкой-то* (зап. от Коткиной Е.В., 1942 г.р., с. Тюинск Октябрьского р-на); *Во сне приходит какой-то древний старик, весь такой седой, волосы белые длинные, борода такая белая длинная вот так, в комнату заходит и начинает меня душить почему-то <...> И уходит. Двери закрывает и уходит* (зап. от Петровских О.Я., 1937 г.р., д. Сызганка Суксунского р-на).

Сюжетно оформленный и в то же время насыщенный символическими формами рассказ завершается финалом, в котором либо прекращается контакт с потусторонним: *Он меня как обнял этими холодными руками-то. Я как зухала: «Мама!».* *И токо состукало в печё, как кто-то соскочил. Больше всё* (зап. от Бурцевой Т.С., 1931 г.р., с. Воскресенское Уинского р-на), либо приводятся размышления сновидца, которые подтверждают прогностический потенциал сновидения: *Я потом думаю, может, была смерть моя. Но она развернулась и ушла. То ли это так, то ли нет* (зап. от Шаньгиной А.Т., 1936 г.р., с. Воскресенское Уинского р-на); *И потом я думала: вот это вот бес, и это он мои грехи тащит, а еще остались они, остались еще грехите, мои-те* (зап. от Крючковой А.Ф., 1927 г.р., с. Воскресенское Уинского р-на); *И потом я этот сон рассказала в магазине, и мне одна женщина сказала: «Тоня, ты выйдёшь замуж за парня, но у него будет, наверно, ребенок». И он нагулял одной женщине до армии, так и случилось* (зап. от ???, Красновишерский р-н).

Таким образом, тексты сновидений имеют свою структурную оформленность, отличаются символической насыщенностью и стилистической обработанностью, т. е. характеризуются сложной организацией. Эта обработанность рассказов об увиденном во сне в немалой степени

связана с их шлифовкой в результате неоднократного «исполнения» (пересказа другим). В то же время она указывает на фольклористичность этих текстов, которая проявляется прежде всего в использовании устойчивых символических форм; как жанр, имеющий эстетически-развлекательную природу, эти тексты не относятся к бытовым ситуативным рассказам. Сохраняя отсылки к реальности, к событиям личной жизни рассказчика, они содержат символическое осмысление реально пережитых рассказчиком тех или иных жизненных ситуаций и ориентированы на прогноз. Образы реальности в этих рассказах обычно осмыслены в духе типичных для народной символосферы толкований и интерпретаций.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

² Таким образом помечаются примеры речи, когда автор не известен.

Список литературы

Валенцова М.М. Полесская традиция о сновидениях // Сны и видения в народной культуре / сост. О.Б. Христофорова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2002. С. 44–54.

Живица Е.Ю. Устная народная снотолковательная традиция: на материале рассказов о снах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/ustnaya-narodnaya-snotolkovatel'naya-traditsiya-na-mate-riale-rasskazov-o-snakh> (дата обращения: 01.09.2020).

Лазарева А.А. Эмоции как объект толкования в славянских народных рассказах о вещих снах // Петербургские славянские и балканские исследования. 2016а. № 2(20). С. 30–46.

Лазарева А.А. Белый конь и черный мустанг: образ лошади в рассказах о вещих снах // Традиционная культура. 2016б. № 4(64). С. 159–171.

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индикс, 2001. 376 с.

Садова Т.В. Структурно-семантические характеристики устного сновидческого рассказа // Практики и интерпретации. 2016. Т. 1(4). С. 273–284.

Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения. 1995. Т. 3. 689 с. 2009. Т. 4. 656 с.

FOLK DREAM TALES AS A TYPE OF FOLK DISCOURSE

Ekaterina N. Svalova

**Senior Research Assistant, History, Archaeology and Ethnography Department
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

Natalia N. Generalova

**Master Student, General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University**

The article considers dream tales as a type of folk discourse that is characterized by certain features typical of both real everyday communication and folk language. The attributes that allow to classify dream narratives as folk texts are described. The structure and composition of such texts are analyzed; special attention is paid to the ways of representing irreality. The authors reveal peculiar characteristics of lexical composition of the analyzed texts and the functioning of symbolic words that often represent most important elements of unravelling the plot.

Keywords: dialect speech; folk language; discourse; dream tales; structure and composition of dream texts; symbols in dream tradition.